

С. П. ПОЛОЗОВ

*Саратовская государственная консерватория (академия)
им. Л. В. Собинова*

УДК 78.072

О ПРИМЕНЕНИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ПОДХОДА В МУЗЫКОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Впервые об использовании М. Г. Арановским информационного подхода в музыковедческих исследованиях я рассказал, выступив с докладом на «Музыковедческом форуме 2010» в Государственном институте искусствознания. И нужно признаться, что этот доклад оставил у аудитории неоднозначное впечатление. С одной стороны, выражались сомнения по поводу возможности использования информационного подхода в музыкознании и, более того, правомерности самого понятия информации, но с другой – звучали и слова одобрения, поддержки такой позиции, в частности от В. Н. Холоповой. Насколько мне известно, сам Марк Генрихович неоднократно вступал в полемику по этим непростым вопросам и не только в печатной форме, но и непосредственно в очных дискуссиях.

Точка зрения Д. Б. Горбатова, представленная на страницах настоящего журнала, в этом плане не является чем-то необычным. Она вполне созвучна голосам из отряда «сомневающих». Дискуссии по вопросу применения информационного подхода в музыкознании начались в 1960-е годы и, по всей видимости, сохраняют актуальность по сей день. Но дискутировать, сомневаясь, – одно, а реально действовать, созидая, – другое. И эта группа «действующих», то есть реально использовавших в своих исследованиях информационный подход, достаточно показательна. Назову лишь некоторые наиболее яркие личности и примеры: помимо научного творчества М. Г. Арановского, рассмотренного в моей статье «Понятие информации и информационный подход в исследованиях М. Г. Арановского» [9], это труды М. Ш. Бонфельда («МУЗЫКА: Язык, Речь, Мышление. Опыт системного исследования музыкального искусства» [1]), В. В. Медушевского («О закономерностях и средствах художественного воздействия музыки» [4]), М. К. Михайлова («Стиль в музыке» [5] и «Этюды о стиле в музыке» [6]), Е. В. Назайкинского («О психологии музыкального восприятия» [7]), Е. А. Ручьевской («Функции музыкальной темы» [10]) и многие другие. Уже этот далеко не полный перечень показывает, сколь многообразна палитра возможностей применения информационного подхода в музыковедческих исследованиях. Можно ли работы перечисленных исследователей «брать за образец научной мысли»? Думаю, что можно. При

этом исследования М. Г. Арановского как раз отличаются, по всеобщему признанию, особой широтой и последовательностью взглядов, имеющих чёткое научное обоснование.

В качестве одного из аргументов против информационного подхода часто указывается многозначность термина «информация». Действительно, существуют сотни определений этого понятия в научной и справочной литературе, официальной документации и т. д. У самого Н. Винера, помимо философского – «Информация есть информация, а не материя и не энергия» [3, с. 201], – есть ещё два определения. Одно из них математическое – «Как количество информации в системе есть мера организованности системы, точно так же энтропия системы есть мера дезорганизованности системы; одно равно другому, взятому с обратным знаком» [3, с. 55], другое кибернетическое – «Информация – это обозначение содержания, полученного из внешнего мира в процессе нашего приспособления к нему и приспособления к нему наших чувств» [2, с. 31]. Но ставит ли такая многозначность под сомнение научные достижения учёного? Ответ вполне очевиден. Следовательно, многозначность любого термина, в том числе и термина «информация», не может являться причиной отрицания возможности его использования в научном тексте. В противном случае из музыковедческого лексикона надо исключить такие, например, понятия, как мелодия, гармония, тональность, стиль, жанр, музыкальный язык и многое другое, имеющее различные толкования. В крайнем же своём проявлении требование абсолютной однозначности и конкретности делает вообще невозможным какое-либо вербальное изложение научной мысли. Это касается, в том числе, и самого Д. Б. Горбатова, который, кстати, свободно, без дополнительных разъяснений пользуется такой «сомнительной» терминологией, «не имеющей общепринятого определения». Конечно, можно и нужно требовать точности понимания ключевых понятий в рамках конкретного научного исследования. Но следует иметь в виду и то, что сама действительность всегда несравненно шире и богаче вербальных терминологических определений. Отсюда, собственно, неизбежно и возникает множественность толкований.

Более того, не только научные термины, но и любое слово или выражение вербального языка обладает некоторым полем значений, или, пользуясь информационной терминологией, информационным полем. И это является естественным свойством языка. Стоит ли в этих условиях предъявлять особые, более жёсткие требования для музыкального языка, что часто делают противники языковой интерпретации музыки? Думаю, это несправедливо. Все элементы музыкального языка, как и вербального, обладают информационно-полевой природой, где каждый знак располагает некоторым полем значений, а каждое значение – полем возможностей материально-знакового выражения.

Однако существует мнение, и Д. Б. Горбатов его озвучивает, что музыка не передаёт ничего, кроме своей звуковой формы. Такой взгляд на музыку, отсылающий её в каком-либо эмоциональном и смысловом содержании, становится особенно популярным со времён Э. Ганслика. Его открыто выражали некоторые музыкальные учёные и даже композиторы, например, И. Стравинский. Вместе с тем идея «чистой музыки», то есть очищенной от смысла и эмоций, фактически провозглашающая её бессодержательность, существенно упрощает представление о ней. Да и подавляющее большинство композиторов, думаю, вряд ли согласится с оценкой их творчества как бессодержательного. Конечно, следует признать, что в процессе музыкальной коммуникации может возникать эффект нулевой эмоциональной и смысловой информативности. Однако это зависит исключительно от создающего или воспринимающего субъекта, его способности или желания воплотить или познать в музыкальном произведении содержательные моменты. В то же время, как показывает практика, в информационном поле любого музыкального произведения, даже вопреки возможной постулируемой автором творческой установки на бессодержательность, обязательно есть область эмоциональной и смысловой информации, которая при соответствующих благоприятных обстоятельствах может быть актуализирована (более подробно см. об этом: [8]).

Из вышесказанного следует, что коммуникация и информация – не метафора, а реальность, пронизывающая практически все сферы деятельности человека, в том числе и музыкальную. В коммуникационной системе (а в музыке это композитор – исполнитель – слушатель) взаимодействуют субъекты, каждый из которых обладает уникальным тезаурусом. Поэтому неудивительно, что между людьми возникает различная степень взаимопонимания, различие во взглядах на одно и то же явление. В истории музыки мы имеем многочисленные примеры противоположных точек зрения на одно и то же музыкальное событие, а также переоценку его значения. Каждый человек имеет свои музыкальные вкусовые ориентиры, свои приоритеты. Понимание природы межличностного общения, коммуникации, что, кстати, даёт информационный подход, позволяет говорить о плюрализме, сосуществовании различных точек зрения как о естественном состоянии инфосферы, окружающей человека. Поэтому вряд ли правомерно провозглашать абсолютную безупречность одной конкретной точки зрения.

Может ли читатель иметь «собственное представление о музыкальной реальности», отличное от представлений автора прочитанной им музыковедческой работы? Безусловно, может, это его право. Но следует признать и право автора на собственную точку зрения. Взгляды М. Г. Арановского при этом достойны особого внимания. Его заслуги перед музыкальной наукой бесспорны, а информационный подход был у него лишь одним из методологических инструментов в решении конкретных исследовательских задач. И то, как учёный этим инструментом пользовался, может служить примером, образцом развёртывания, изложения научной мысли. Остаётся лишь повторить, что не метод обуславливает эффективность исследования, а способ его применения. Убедён, что до сих пор информационный подход далеко не исчерпал своего научного потенциала в музыковедческих исследованиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бонфельд М. Ш. МУЗЫКА: язык, речь, мышление. Опыт системного исследования музыкального искусства. СПб.: Композитор, 2006. 648 с.
2. Винер Н. Кибернетика и общество: [пер. с англ.]. М.: Иностранная литература, 1958. 200 с.
3. Винер Н. Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине: [пер. с англ.]. М.: Советское радио, 1968. 326 с.
4. Медушевский В. В. О закономерностях и средствах художественного воздействия музыки. М.: Музыка, 1976. 254 с.
5. Михайлов М. К. Стиль в музыке: исследование. Л.: Музыка, 1981. 264 с.
6. Михайлов М. К. Этюды о стиле в музыке: статьи и фрагменты. Л.: Музыка, 1990. 288 с.
7. Назайкинский Е. В. О психологии музыкального восприятия. М.: Музыка, 1972. 384 с.
8. Полозов С. П. О нулевой эмоциональной и смысловой информативности в авангардной музыке // Авангард, современная и новая музыка: творчество, исполнительство, педагогика: сб. ст. по мат. междунар. науч.-практ. конф. Пермь, 2010. С. 154–160.
9. Полозов С. П. Понятие информации и информационный подход в исследованиях М. Г. Арановского // Проблемы музыкальной науки. 2012. № 1 (10). С. 6–11.
10. Ручьевская Е. А. Функции музыкальной темы. Л.: Музыка, 1977. 160 с.

REFERENCES

1. Bonfeld M. Sh. *MUZYKA: yazyk, rech', myshlenie. Opyt sistemnogo issledovaniya muzykal'nogo iskusstva* [MUSIC: Language, Speech, Thinking. Experience of Systematic Research of the Art of Music]. St. Petersburg: Kompozitor Press, 2006. 648 p.
2. Viner N. *Kibernetika i obshchestvo* [Wiener N. Cybernetics and Society]. Moscow: Inostrannaya literatura [Foreign Literature] Press, 1958. 200 p.
3. Viner N. *Kibernetika, ili Upravlenie i svyaz' v zhitovnom i mashine* [Wiener N. Cybernetics or Management and Communication in Animals and Machines]. Moscow: Sovetskoye radio [Soviet Radio] Press, 1968. 326 p.
4. Medushevskiy V. V. *O zakonomernostyakh i sredstvakh khudozhestvennogo vozdeystviya muzyki* [About Laws and Means of the Artistic Impact of Music]. Moscow: Muzyka Press, 1976. 254 p.
5. Mikhailov M. K. *Stil' v muzyke* [Style in Music]. Leningrad: Muzyka Press, 1981. 264 p.
6. Mikhailov M. K. *Etyudy o stile v muzyke: stat'i i fragmenty* [Studies of Style in Music: Articles and Essays]. Leningrad: Muzyka Press, 1990. 288 p.
7. Nazaykinskiy E. V. *O psikhologii muzykal'nogo vospriyatiya* [On the Psychology of Musical Perception]. Moscow: Muzyka Press, 1972. 384 p.
8. Polozov S. P. *O nulevoy emotsional'noy i smyslovoy informativnosti v avangardnoy muzyke* [About the Zero-Level Emotional and Semantic Information Capability in Avantgarde Music]. *Avangard, sovremennaya i novaya muzyka: tvorchestvo, ispolnitel'stvo, pedagogika: sbornik statey po materialam mezhdunarodnoy nauch.-prakt. konfi* [Avantgarde, Contemporary and New Music: Creativity, Performance, Pedagogy: a Compilation of Articles from the International Practical Research Conference]. Perm, 2010, pp. 154–160.
9. Polozov S. P. *Ponyatie informatsii i informatsionnyy podkhod v issledovaniyakh M. G. Aranovskogo* [The Concept of Information and the Informational Approach in Mark Aranovsky's Works]. *Problemy muzykal'noy nauki* [Music Scholarship], 2012, no. 1 (10), pp. 6–11.
10. Ruch'evskaya E. A. *Funktsii muzykal'noy temy* [Function of Musical Themes]. Leningrad: Muzyka Press, 1977. 160 p.

— О применении информационного подхода в музыковедческих исследованиях —

Начавшиеся в российском музыкознании в 1960-е годы дискуссии по вопросу применения информационного подхода сохраняют актуальность и по сей день. Немало авторитетных учёных реально используют в исследованиях данный подход, но есть и сомневающиеся в возможностях его применения в музыкознании и даже правомерности использования термина «информация». В качестве одного из аргументов против информационного подхода нередко указывается многозначность термина «информация», – как и в статье Д. Б. Горбатова, публикуемой выше. Однако многозначность естественна для множества понятий, что не может являться причиной

отрицания вероятности их использования в научном тексте. Другой аргумент – отсутствие в музыке какого-либо эмоционального и смыслового содержания – опровергается самой музыкальной практикой. Таким образом, информационный подход далеко не исчерпал своего научного потенциала в музыковедческих исследованиях, поскольку не метод обуславливает эффективность исследования, а способ его применения.

Ключевые слова: музыкальная информация, информационный подход, музыкальная семантика

— On Applying the Informational Approach in Musicology Research Works —

The discussions of the issue of application of the informational approach, which began in Russian musicology in the 1960s, have preserved their relevance up to the present day. A fair amount of authoritative scholars have been veritably applying the present approach in their works, but there are still those who doubt the potentials of its application in musicology and even the legitimacy of the use of the term “information.” The multiple meanings of the term “information” have been indicated as one of the arguments against the informational approach – for example in the article by Dmitri Gorbato published earlier in this issue. Nonetheless,

multiple meanings are intrinsic to many concepts, and this cannot present a reason for denying the possibility of their usage in a scholarly text. The other argument against it – the absence in music of any emotional or notional content – is refuted by musical practice itself. Thereby, the informational approach has not in the least exhausted its scholarly potential in musicological works, since it is not the method that stipulated the effectiveness of the research but the means of its application.

Keywords: musical information, informational approach, musical semantics

Полозов Сергей Павлович

кандидат искусствоведения,
профессор кафедры теории музыки и композиции
E-mail: polozov@forpost.ru
Саратовская государственная
консерватория им. Л. В. Собинова
Российская Федерация, 410012 Саратов

Sergei P. Polozov

Candidate of Arts,
Professor at the Music Theory
and Composition Department
E-mail: polozov@forpost.ru
The Saratov State L.V. Sobinov Conservatory
Russian Federation, 410012 Saratov

